

Легенда о летучем певце

Правильно ли пропагандировать Вертинского? Да, правильно. И для того, чтобы понять это, необходимо хоть вкратце напомнить биографию артиста.

Блистательные успехи Александра Вертинского на московских и петербургских эстрадах в 1913 — 1914 годах давным-давно стали историей. И само слово «арнетки» (так называл Вертинский свои песни) звучат сегодня странно и невзвезданно. Пел он о разном: о разбитых сердцах, о лиловых неграх и болтающих по-французски попугаях, о креольчиках, которые и вовсе ни о чем не болтают, а лишь печально смотрят на мир своими креольскими глазами. На эстраду А. Вертинский выходил с набеленным лицом, в костюме Арлекина. «Это было оригинально и производило чарующее впечатление», — писал позднее Юрий Олеша. Но мы с вами вряд ли уже поймем, почему это было оригинально и почему производило чарующее впечатление. Более того, сегодня такое вряд ли понравилось бы. Но по тем временам, при нехватке кислорода в общественной атмосфере, Вертинский предстал перед публикой в облике утомленного и все понимающего человека, мудреца, прожившего тысячи жизней. И к тому же — немного волшебника. Пятнадцатилетние гимназисты, начитавшись романов Фенимора Купера, бегали в Индию, Африку и Америку.

Эпоха была стремительная. Империалистическая война. Февральская революция. Октябрьская революция. «Двенадцать» Блока и громовой голос Маяковского. Борьба с интервентами и штурм Перекопа. А Вертинский, как сфинкс, застыл с неподвижной маской на лице. И толковал о томной луне, о птице со стеклянными перьями... Правда, время от времени он пытался встряхнуться, осовремениться. Его возмутил Деникин, пославший на верную смерть оболваненных пропагандой гимназистов. И появилась песенка, из-за которой эстетствующему шансонье пришлось познакомиться с бело-гвардейской контрразведкой.

Белые бежали из Крыма в Константинополь. И Вертинский поехал, не очень задумываясь над смыслом собственных действий. Так вышло. Так получилось. Впрочем, уже в те дни, в разговоре с генералом Слащевым (тем самым Слащевым, который в конечном итоге осознал свою вину и возвратился в Москву с повинной) Вертинский уже соглашается, что сделан неверный шаг, что вдали от своей страны счастья нет. Слащев вернулся, предстал перед судом. И Советская власть его простила. А Вертинский отправился гастролировать в Париж, Варшаву, Шанхай, Нью-Йорк. Гнался ли он за всемирной славой? Вряд ли. Но слава пришла. Она настигла Вертинского в расцвете сил. Жизнь еще была не в тягость. Впереди открывался длинный ряд светлых и удобных годов. Однако вот что писал в 1931 году журнал «Литература и искусство»:

«Буржуазный обыватель осознает свою беспомощность, ничтожество своего положения — отсюда стремление построить себе хотя бы в искусстве мир утонченной богемы, стиль «минималист», «уют». Сюсюканье, «потусторонние» искания, вечная неудовлетворенность и, наконец, как неизбежное следствие всего этого, полный маразм мыслей. Стремление к «глупой сказочке», «смешной и простой, в которой должны твориться самые невероятные чудеса», — одна из тем песенок Вертинского.

Оценка, может быть, чрезмерно строгая, но верная. Тем неожиданнее внешне, тем удивительней было превращение Вертинского. Его крен в сторону социальности. Вначале это выглядело довольно невинно. Он написал серию песен, каждая строчка которых была пропитана ностальгией: «И российскую милую землю узнаю я на том берегу...». И даже четче:

Проплываем океаны,
Бороздим материк
И несем в чужие страны
Чувство русское тоски...

Наиболее сообразительные идеологи эмиграции забили тревогу. Подобные песни были эмоциональной диверсией: сначала разбудит тоску по родине, а потом посоветует вернуться с повинной, а затем, чего доброго, потребует, чтобы бывшие фрейлины и камерюнкеры отравились строить Днепротэс, а великие князья прописались в Комсомольске-на-Амуре.

Вертинский попал в число «красных», в число «большевистских агентов». Ему не давали выступать, его травили. Всемирно прославленного артиста заставляли заниматься мелкой и униженной работой. Сначала это делалось для того, чтобы припугнуть артиста. Не вышло.

Вот тут-то и начинается «парадокс Вертинского». Летучий певец, мотылек стал перерастать в гражданина. Белоэмигрантские листки начали ставить вопрос ребром: надо любой ценой заткнуть рот «коминтерновскому песнопевцу». А Вертинский реагировал на удар и не сдавался.

Когда фашистские полчища стояли под Москвой, Вертинский во всеуслышанье заявил, что возвращается на Родину, что он готов взять в руки винтовку, что он будет просить, чтобы его, несмотря на возраст, взяли в армию. Он вел широкую пропаганду в пользу Советского Союза. В самый разгар Отечественной войны Александр Вертинский вернулся домой. Он дает по два-три концерта в день. Он пишет новые песни. Он дает концерты, сбор с которых шел на восстановление разрушенных городов. Он много и замечательно работал в кино. Вспомните хотя бы «Заговор обреченных» и «Анну на шее».

Мне довелось побывать на одном из последних концертов А. Вертинского. Огромный зал оперного театра был переполнен. Уже очень старый, А. Вертинский пел часа три кряду. Но пел ли? Это было какое-то синтетическое искусство. Он и пел, и изображал, и показывал руками все то, о чем пел. Жест его — знаменитый жест Вертинского — был не монументален, как его принято называть, а хирургически точен. И эта точность потрясала.

А затем в беседе в номере львовской гостиницы (собственно, беседу вел мой товарищ, а я тихо сидел в углу), артист сказал фразу, которая, как мне кажется, объясняет суть «парадокса Вертинского»:

— Человек лишь во вторую очередь имеет право быть артистом или кем-то другим. А в первую очередь он обязан быть солдатом своего Отечества. Горький опыт моей жизни учит тому, что иначе нельзя. Сейчас я счастлив, что вернулся не после великой Победы, а в дни, когда решалась судьба моего народа. Фашисты, в случае своей победы, грозили повесить меня на фонаре. Я хочу отдать моему народу все, что я имею. Я вдвойне счастлив, что концертные залы полны и что мои песни нужны.

Нежный песенник, шансонье, поэт-модернист, оказался сильной личностью.

Вот почему изданная двухмиллионным тиражом пластинка стала уже редкостью. Вот почему творчество Александра Вертинского интересуются не только те, кто видел и слышал его, но и пришедшие значительно позднее.

Н. САМВЕЛЯН.